

АГРЕССИЯ В РЕЧЕВОМ АКТЕ И ДИСКУРСЕ

УДК 81'42

НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ КАК МАРКЕРОВ АВТОРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

*Е. В. Захаркив*¹

¹ Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский переулок, 1, стр. 1
Поступила в редакцию 23.04.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-2

Рассмотрена специфика реализации речевой агрессии в поэтической коммуникации с акцентом на неконвенциональном функционировании «дискурсивных слов-агрессоров». Цель исследования – анализ агрессивного речевого поведения в поэтической коммуникации и выявление некоторых отличий от его осуществления в обыденном дискурсе. Методология исследования включает методы лингвопрагматического и лингвопоэтического подходов и дискурсивный анализ. Предметом анализа выступили дискурсивные слова, маркирующие речевую агрессию, а также поэтические высказывания, содержащие акты агрессивного речевого поведения как в эксплицитной, так и в имплицитной форме выражения. В результате исследования выявлены специфические стратегии речевой агрессии в поэтической коммуникации, к которым можно отнести осуществление автореференциальной критики (посредством речевой агрессии, направленной на язык высказывания, на субъект высказывания, на поэтическое высказывание как таковое и также на перцептивный механизм), а также участие в формировании поэтической адресации и субъективации.

Ключевые слова: поэтический дискурс, обыденный дискурс, поэтическая коммуникация, речевая агрессия, дискурсивные слова, автореференциальность, неконвенциональное функционирование

Введение. Речевая агрессия в поэтическом и обыденном дискурсах

Существование большого количества терминов и понятий, коррелирующих с явлением агрессивного поведения в речи («языковая агрессия», «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «словесная агрессия», «коммуникативная агрессия» и т.д.) обусловлено проблемой определения статуса агрессии в лингвистике. До недавнего времени аг-

---

© Захаркив Е. В., 2020

Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 4. С. 15 – 27.

рессия как тип речевого поведения в основном являлась предметом социально-психологических исследований (Bandura, 1983; Baron, Richardson, 1994; Басс, 1967). В отечественной лингвистике исследованием данного вопроса занимались Т. М. Николаева, Л. П. Крысин, И. А. Стернин, В. Ю. Апресян, И. А. Шаронов, М. А. Кронгауз, Г. Е. Крейдлин, Т. А. Воронцова и др.

Ю. В. Щербинина отмечает, что «сложность определения понятия “вербальная агрессия” заключается прежде всего в том, что данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности и потому не может быть исчерпывающе определен посредством таких обобщенных понятий, как “патогенная коммуникация”, “негативное речевое воздействие”, “грубость речи” и т. п.» (Щербинина, 2006, с. 14). Согласно И. А. Стернину, речевая агрессия часто сопровождается паралингвистическими факторами, например увеличением громкости голоса (ниже мы рассмотрим, как это явление имитируется в поэтическом тексте). Также И. А. Стернин указывает, что речевая агрессия характеризуется увеличением «количества оценочных слов в диалоге, количества нецензурных выражений, в росте удельного веса конфликтного общения во многих группах общения» (Стернин, 2004, с. 9).

Речевая агрессия как тип речевого поведения характеризуется далеко не только выражением негативного отношения к кому-либо или чему-либо. Независимо от типа коммуникации в основе агрессивного поведения лежит интенция коммуникативного доминирования. Таким образом, объектом речевой агрессии становится адресат, в коммуникативное и когнитивное пространство которого с помощью различных структурно-семантических приемов «вторгается» адресант. При этом стоит учитывать, что при восприятии поэтического текста (в отличие от обыденной коммуникации) адресат не вовлечен непосредственно в прагматическую ситуацию: поэтическая коммуникация обычно дистанционирована в темпоральных и пространственных координатах, поэтому в ее рамках мы имеем дело именно с «имитацией» синхронности продуцирования высказывания и его прочтения. В исследовании поэтической коммуникации мы опираемся на концепцию автокоммуникации, предложенную Ю. М. Лотманом. Этот вид коммуникации осуществляется по каналу «Я – Я» и не имеет имманентного характера, так как речевое взаимодействие обусловлено вторжением извне некоторых добавочных кодов и наличием внешних импульсов, воздействующих на контекстную ситуацию (Лотман, 2000). Наше понимание поэтической функции, определяемой автореференциальностью, восходит к мысли Р. О. Якобсона, по которой она (функция) состоит в направленности сообщения на самого себя ради него самого (Якобсон, 1975, с. 202).

Восприятие в поэтической коммуникации мотивируется не этикетными и правовыми нормами, а этическими, эстетическими и индивидуально-психологическими особенностями, базирующимися как на эрудиции, так и на внутренних качествах адресата. В этой связи отмечается неопределенность адресата, чей портрет не может быть доступен автору в момент написания текста. Следовательно, если в обыденном дискурсе² объект речевой агрессии может совпадать с адресатом, то в случае речевой агрессии, представленной в поэтическом дискурсе, аффективная и прагматическая перспективы не тождественны: поэтический адресат является неопределенной и неисчисляемой группой субъектов. Учитывая всю сложность и многоплановость этого явления, в данном исследовании под поэтическим адресатом мы понимаем обобщенного «идеального» читателя, введение которого обосновано необходимостью конструирования полноценных условий коммуникации³.

Основываясь на методах лингвопрагматического и лингвопоэтического подходов и дискурсивного анализа, формах выражения агрессии (эксплицитная / имплицитная⁴), мы выделяем специфические стратегии речевой агрессии в поэтическом дискурсе: (1) направленную на автоматизированное восприятие текста или выступающую в качестве критики поэтического языка (и его деструкции) *авторереференциальную агрессию (выраженную как эксплицитно, так и имплицитно)*; (2) направленную на самого адресанта — *аутоагрессию* (ср. с понятием аутоагрессии в обыденном дискурсе в (Левитов, 2002)).

Материал исследования представлен современными поэтическими текстами, в основном затрагивающими политическую и феминистскую повестку, что обусловлено критической установкой и, в связи с этим, выраженной функцией адресации в этих текстах (Н. Сунгатова, Д. Герчикова, Л. Юсуповой, В. Нугатова), а также текстами А. Драгомощенко, Д. Давыдова⁵.

² Термин «обыденный дискурс» мы используем, ориентируясь на философию обыденного языка (ordinary language) Л. Витгенштейна, с одной стороны, и работы по лингвистической прагматике — с другой (Wittgenstein, 1953; Knobe, 2003; Adams, Steadman, 2004).

³ Подробнее см.: (Азарова, 2012).

⁴ В настоящем исследовании под эксплицитной формой выражения мы понимаем такое речевое поведение, которое включает в себя использование оценочно-отрицательной либо обценной лексики, понимаемой одинаково в различных контекстах. Под имплицитной формой, вслед за В. Ю. Апресян, мы подразумеваем замаскированную, неявно выраженную агрессию, реализующуюся посредством использования не прямых средств выражения, включающих «псевдоимперативы для выражения угрозы», маркеры отрицательной оценки действий адресата», частицы как выражение неодобрения, недоверия, угрозы и упрека и пр. (Апресян, 2003).

⁵ Для настоящего исследования были отобраны поэтические тексты профессиональных и признанных в поэтическом сообществе авторов, чьи сборники были выпущены в таких издательствах, как «АРГО-РИСК», «Новое литературное обозрение», «Порядок слов» и др., и чьи поэтические подборки были опубликованы в «толстых» журналах, таких как «НЛО», «Воздух», [Транслит], «Носорог», «Волга», «Новый мир» и др.

Дискурсивные слова как маркеры речевой агрессии

В настоящем исследовании мы обратимся к выявлению специфики функционирования дискурсивных слов как маркеров речевой агрессии. Это обусловлено тем, что именно дискурсивные слова обладают возможностью выражения прагматического значения, то есть коммуникативного намерения отправителя высказывания, ориентированного на формирование специальной деструктивной / агрессивной коммуникативной модели.

Перед тем как перейти к анализу маркеров речевой агрессии, приведем определения, значимые для настоящего исследования. Дискурсивные слова не имеют однозначного определения, и их описание проводится через синтаксический, семантический, просодический, коммуникативный и т. п. анализ высказывания, частью которого они являются (Шаронов, 2016). Они состоят в основном из частиц, вводных слов и знаменательной лексики, первичная денотация которых стирается или искажается в «коммуникативных» употреблении, где их «прагматический заряд» выходит на первый план интерпретации. Например, при разборе дискурсива «правда» И. В. Шерстяных отмечает, что эта лексема «выражает желание говорящего привлечь внимание собеседника, либо узнать, согласен ли с ним собеседник: – *А эта Шура, которая приходила, его жена? – кивнул Штерн на дверь. – Да. Приятная женщина, правда?* (Шерстяных, 2016, с. 44), тогда как в первом круге употреблений «правда» – это «то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей» (Ожегов, 1996, с. 2127). Итак, дискурсивные слова – это «незнаменательные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» (Кибрик, Подлеская, 2009, с. 146), генетически восходящие к модальным словам (*конечно, возможно, кажется*), частицам (*так, отнюдь, ну*), междометиям (*ах, ой, привет*) и т. д. и выступающие трансляторами взаимодействия адресанта и адресата, а также отношения актанта к сообщению (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993). Подчеркнем, что принадлежность слова к классу дискурсивных маркеров определяется главным образом на основании функциональных критериев. О. В. Соколова формулирует функцию дискурсивных слов следующим образом: «Дискурсивные слова отражают процесс рефлексии текста говорящим, его отношение к адресату, апелляцию к общему фоновому знанию, а также выполняют коммуникативную, фатическую и другие функции. Эти единицы составляют коммуникативную рамку высказывания» (Соколова, 2019, с. 230).

Приведем наглядный пример проявления автореференциальной агрессии в поэтическом дискурсе, осуществленной посредством «дискурсивных слов-агрессоров»: «...это записал / том рэддл в своём дневнике: “фины, а прибалты нас / всегда ненавидели, а польша *о**еть бл*ть* / <...> я *о**ел* как услышал поросюк *бл*ть*”» (Д. Герчиков). В данном примере представлена активная эксплицитная агрессия с функцией автореференциальной критики поэтического языка: слово здесь

привлекает внимание к себе самому в качестве сигнала (ведь мы едва ли можем выявить здесь иной смысл, стоящий за дискурсом, кроме как прагматический). Так, эффект, производимый избытком обценной лексики в поэтическом высказывании, может быть интерпретирован в качестве индекса аффекта — ярости как таковой, чистого знака «эмоции-функции». В этом случае мы можем говорить о таком языковом явлении, как «аффективы» (Шаховский, 1987). Е. Г. Никулина отмечает, что данные явления (в сочетании с синтаксической несвязностью (расчлененностью, парцелляционностью высказывания) в аффективной речи присутствуют в концентрированном виде: «...когда два, три и более признака сочетаются в одной фразе, многократно усиливая ее эмоциональную нагрузку» (Никулина, 2012, с. 57). Аффективной речи при этом свойственны отрицательная оценочность⁶ и две взаимно перекрещивающиеся тенденции: с одной стороны, это стремление к информационной избыточности, а с другой — к максимальному сжатию сообщения. В приведенном примере помимо аффективов, которые можно обозначить как «дискурсивные слова-агрессоры», задействованы имена фигур массовой культуры, названия стран, имя политика (намеренно написанное неверно), а также этнонимы, что представляется трансляцией отторжения «репрессивного дискурса», стоящего за этими знаками, — доминирования / неравенства / нетерпимости. Такой аффективный речевой «спазм» в поэтическом дискурсе во многом конституируется критическим мышлением, которое в свою очередь признает собственное исступление (как форму речи) посредством предельной эмоциональности выражения.

Своеобразной формулой автореференциальной критики поэтического высказывания можно считать фрагмент из стихотворения-пьесы Р. Осминкина:

2: А это что? Это что такое? Не стихи мы тебя спрашиваем? // 1: Нет, какие же это стихи... это так, *пописушки, прибаутки*, чтоб от вас отделаться; 2: *Гм...* ну вот смотри, разве это не стихи уже? / 1: *Ой*, это случайно. Нет, нет. И не думайте даже. Нет стихов у меня; 2: *Ну, ну...* стихов у него нету; 1: *Ха*, так я смотрю вы и без меня прекрасно справляетесь; 1: *Ох* не кликайте вы сивую каурку, а не то потом не соберете мелоса; 2: *Уж*, скажите. *Уж* позвольте.../ 1: Не скажу и не позволю. Хоть увольте, хоть невольте, убежал я в чисто поле («Пьеса для двух бесплотностей»).

Здесь стратегия речевой агрессии направлена на сам акт поэтического высказывания и поэтический дискурс в целом, что выражается с помощью моделирования диалога с повышенной частотностью маркеров разговорной речи: эмоциональных междометий («ой», «ха»), мар-

⁶ Заметим, что «отрицательная оценка, по-видимому, обладает большей тенденцией к отрыву от свойств референта, чем оценка положительная. Окончательный отрыв от действительности превращает отрицательную оценку в ругательство... Отличие бранного определения от оценочного состоит в том, что его экстенционал находится в полной и абсолютной зависимости от его интенционала, вследствие чего этот последний часто исчезает» (Арутюнова, 1999, с. 51).

кером хезитации («гм»), частицы «уж» с императивом как усилителем выражения просьбы («Уж, скажите. Уж позвольте»). Такое употребление псевдоимператива, может быть интерпретировано как маркер выражения скрытой угрозы и является, согласно В. Ю. Апресян, средством выражения имплицитной агрессии (Апресян, 2003).

Если употребление дискурсивных слов в обыденном дискурсе связано с их функционированием в роли регуляторов речевого процесса и организации интерперсональной коммуникации (Schiffrin, 1988; Fraser, 2009), то в поэтическом тексте используется прием намеренного нарушения постулатов эффективной коммуникации с помощью гипертрофированного употребления дискурсивных слов, что формирует так называемый антидиалог⁷. Сочетание их с дисфемическими номинациями продукта творчества («пописушки», «прибаутки») и общеотрицательными конструкциями с предикатным отрицанием («Не скажу и не позволю») приводит к отрицанию как актуальной коммуникативной ситуации, так и — шире — поэтической коммуникации. Такое отрицание как выражение отрицательной оценки относится к средствам выражения имплицитной агрессии. Сочетание указанных приемов, функционирующих как маркеры агрессии в поэтическом дискурсе, позволяет реализовать стратегию автореференциальной критики языка как в поэтической, так и в коммуникативной функции. Также отметим, что, согласно И. А. Шаронову, в обыденной коммуникации употребление междометия имеет непроизвольный (ненамеренный, неинтенциональный) характер (Шаронов, 2008, с. 53), что не соответствует их употреблению в поэтическом дискурсе. Коротко обозначим, что современный поэтический дискурс в основном реализуется в пространстве интернет-коммуникации и, следовательно, отражает многие тенденции письменной речи, понимаемой как устно-письменный дискурс⁸, который, в свою очередь, по критерию употребления междометий (и по многим другим) соответствует устной коммуникации. Мы уже указали на основные отличия поэтической коммуникации от обыденной и продолжим это рассуждение далее. При этом стоит подчеркнуть, что именно близость во многих структурных отношениях к разговорному дискурсу отличает поэзию от других письменных дискурсов, например художественной прозы. В связи с этим можно сказать, что одной из основных функций поэтического текста является коммуникативная (Падучева, 2010), однако сама эта функция осуществляется по законам поэтической коммуникации.

Так, особенно интересным представляется рассмотрение специфического поэтического функционирования дискурсивных слов (в активной имплицитной форме) с отличной от их употребления в обыденной коммуникации имплицитурой. Обратимся к тексту из книги «Dead Dad» Л. Юсуповой, в котором через максимальную отстраненность

⁷ Ср. с понятием «коммуникативный саботаж» (Николаева, 1990).

⁸ Для обозначения этого явления также используются термины «неконтролируемая письменная речь» (Кронгауз, 2009), «устно-письменная» система коммуникации» (Лутовинова, 2008) и др.

языка судебной экспертизы постулируется невозможность свидетельства (см. ниже), а также — в более широком смысле — язык бюрократии как таковой обличается в качестве дискурса насилия. Субъективные показатели модальности, которые, согласно теории перформативов, в обыденной коммуникации могут быть отнесены к вердиктивам⁹, или же репрезентативам¹⁰ (1), а также структурным единицам связности текста (2), в поэтическом дискурсе, таким образом, выполняют функцию оценочных рефлексивов¹¹. «...затем он вытащил данную палку на ней остались кишки Г. / Обстоятельств, отягчающих наказание подсудимого, по делу не установлено / влагалище — не является жизненно важным органом / что, (1) *безусловно*, улучшает положение осужденного / в качестве смягчающего обстоятельства / повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего <...> (2) *Вместе с тем*, судом в качестве смягчающего / обстоятельства, в соответствии со ст. 61 УК РФ, / рассматривается явка с повинной подсудимого».

По мнению исследователей (Кибрик, Подлеская, 2007, с. 9; Jucker, Ziv, 1998, p. 1), дискурсивные слова в том числе маркируют хезитационные паузы, маркеры речевого сбоя, поэтому графические знаки, которые репрезентируют «молчание» в тексте, функционально могут быть включенными в этот класс.

В «Простом стихотворении о любви» Н. Сунгатова, практически полностью состоящем из ремарок («[эротическая сцена] // [комментарий психоаналитика]»), осуществляется длительная, многоэтапная хезитация: таким образом выражается идея о невозможности художественного любовного высказывания¹². Так, можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с агрессией, направленной на сам язык художественного сообщения, поскольку ремарки апеллируют к другим типам дискурса: например, к психоаналитическому или кинодискурсу — оставляя лакуны внутри поэтического (в данном случае *немого*, неспособного к речи) языка.

⁹ Ситуативно оправданное сообщение непосредственного или выводного суждения об оценке или факте (по классификации Дж. Остина) (Остин, 1986).

¹⁰ Фиксация ответственности говорящего за сообщение о некотором положении дел, то есть за истинность выражаемого суждения) (по классификации Дж. Сearle) (Searle, 1975).

¹¹ Вслед за И. Т. Вепревой под рефлексивом мы понимаем метаязыковое высказывание, «маркер толерантного когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов», фокусирующий свое внимание «на семантически и аксиологически значимых языковых единицах, попадающих в поле метаязыкового сознания». Рефлексив подчеркивает наличие языковой рефлексии, то есть направленности языкового сознания на самопознание, общность языкового сознания на самопознание, общность объекта — «рефлексия носителя языка по поводу его лексикона, разнообразная лингвистическая информация о слове» (Вепрева, 2005, с. 79).

¹² Можно сравнить с концепцией романтического дискурса Р. Барта: «Я без ума от любви, но это не распространяется на возможность ее высказать» (Барт, 2015, с. 20); «Любовный дискурс — всего лишь пыль фигур, мельтешащих в непредсказуемом порядке» и т. д. (Там же, с. 37).

Также молчание как стратегию автореференциальной речевой агрессии поведения можно рассматривать с точки зрения свидетельства травмы¹³ на примере книги «Dead Dad» Л. Юсуповой, во второй части которой приводятся формально переработанные судебные протоколы по реальным делам насилия над женщинами. В тексте «взял деревянную палку...» мы «читаем» десять пустых страниц с одной только начальной строчкой на каждой: «смерть потерпевшей».

Рассмотрим теперь несколько случаев употребления «дискурсивных слов-агрессоров» в современной поэзии, которые можно обозначить как примеры выражения активной эксплицитной аутоагрессии с функцией самокритики поэтического субъекта: «Ну, тогда сравни, конечно... / сравни. И что? Какое что с каким что? Живущий, / как его, бл*дь?» (А. Драгомощенко); «...я владею всем / но я бездарен *e**на мать*» (Д. Давыдов); «...чтобы руки не тряслись, клясться себе, что бл*дь последний раз невозможно бл*дь при следующем приступе надо вызывать бл*дь скорую пусть они колят бл*дь какого хера вечно вы***ваешься строишь из себя героя бл*дь...» (Л. Горалик).

Отметим, что в поэтическом дискурсе перлокутивная функция не выражена в отличие от обыденной коммуникации, в которой аутоагрессия, как правило, будет заключать в себе имплицитные интенции, не связанные с реальным самоосуждением: обычно актант порицает себя в присутствии адресата ради того, чтобы добиться прощения, либо жалости / снисхождения. Но так как адресат поэтического текста не определен, установка на перлокуцию не осуществляется, потому в поэтическом дискурсе функция аутоагрессии реализуется в чистом виде: субъект высказывания направляет критику на себя же самого, транслируя собственную беспомощность — как ментальную, так и физическую.

Итак, специфика функционирования дискурсивных слов в качестве маркеров агрессии в поэтической коммуникации определяется установкой на автореференциальность: это связано с повышенным вниманием к языку выражения, оформлению сообщения и его восприятию. Функция аутоагрессии в поэтическом дискурсе в отличие от обыденного реализуется в чистом виде: субъект высказывания направляет критику на себя же самого без импликаций жалобы или принуждения адресата к прощению. Субъективные показатели модальности, которые в обыденной коммуникации содержатся в сообщении выводного или оценочного суждения, так же, как и структурные единицы связности текста, — в поэтическом выполняют функцию оценочных рефлексии-

---

¹³ В исследованиях языка травмы подлинный свидетель неспособен свидетельствовать о том, что с ним случилось, поскольку он уже мертв. Поэтому те, кто способен на высказывание, — псевдосвидетели, которые, согласно Дж. Агамбену, словно бы по доверенности свидетельствуют об отсутствующем свидетельстве посредством цезуры, нулевого уровня. Другими словами, так как у погибших не может быть ни наставлений, ни воспоминаний, которые они могли бы нам передать, «тот, кто берет на себя бремя свидетельствовать за них, знает, что должен свидетельствовать о невозможности свидетельствовать» (Агамбен, 2012, с. 35).

вов. Кроме того, дискурсивные слова в поэтической коммуникации могут участвовать в выражении пассивной речевой агрессии с имплицитной формой выражения. Эта агрессия может быть направлена как на адресата, так и на механизм восприятия текста (молчание, обрыв коммуникации, выраженный вербально в виде ремарки или графически) и в том числе выполнять функцию хезитации.

Заключение

Включение маркеров агрессии в поэтический дискурс позволяет выявить прагматические установки отправителя сообщения и имплицитный конфликт между дистантной коммуникативной рамкой поэтического текста и перлокутивной направленностью агрессии, в обыденном дискурсе апеллирующей к конкретному (персонифицированному) или абстрактному (экзистенциальному) адресату как участнику коммуникации. В отличие от обыденного дискурса, где агрессия направлена на адресата при прямой форме выражения, а на референт — в косвенной (Басс, 1967), агрессивное высказывание в поэтическом дискурсе ориентировано на «идеального» читателя, не совпадающего с референтом, поэтому можно заключить, что речевая агрессия в поэтическом дискурсе всегда реализуется в форме косвенного выражения. Кроме того, были выявлены случаи конвенционального функционирования дискурсивных слов в качестве аффективов и неконвенционального — в качестве рефлексивов. Также мы проанализировали случаи употребления дискурсивных слов, выступивших в хезитации. Таким образом, установлено, что речевая агрессия функционально задействована в формировании поэтической адресации и субъективации, произведении автореференциальной критики (посредством речевой агрессии, направленной на язык (как в широком смысле, так и в специальном)), на поэтическое высказывание как таковое, а также на субъект высказывания и на механизм восприятия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Агамбен Дж. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012.
- Азарова Н. М. Критерий «адресат» в установлении границ поэтического дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012. С. 225 — 233.
- Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог — 2003». М., 2003. С. 32 — 35.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Барт Р. Фрагменты любовной речи / пер. В. Лапицкого. М., 2015.
- Басс А. Психология агрессии // Вопросы психологии. 1967. № 3. С. 60 — 67.

- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2007. № 2. С. 2–23.
- Кронгауз М. А. Язык и коммуникация: новые тенденции. [2019]. URL: <https://polit.ru/article/2009/03/19/communication/> (дата обращения: 15.04.2020).
- Левитов Н. Д. Психологические состояния агрессии // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 168–173.
- Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 159–165.
- Лутовина О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.
- Николаева Т. М. О принципе некооперации и /или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1990. С. 225–235.
- Никулина Е. Г. Аффективные речевые акты в системе эмоционально-оценочной интеракции // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 54–58.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
- Падучева Е. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 2010.
- Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлеской. М., 2009.
- Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду. Язык, субъективность, культурные переносы. М., 2019.
- Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 2004.
- Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.
- Шаронов И. А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : матер. Междунар. конф. «Диалог». М., 2016. С. 605–615.
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шерстяных И. В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы *правда*) // Жанры речи. 2016. № 1. С. 42–49.
- Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М., 2006.
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / сокр. пер. И. А. Мельчука // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
- Adams F., Steadman A. Intentional Action in Ordinary Language: Core Concept or Pragmatic Understanding? // Analysis. 2004. № 64. P. 173–181.
- Bandura A. Psychological mechanisms of aggression // Aggression: Theoretical and empirical reviews / ed. by R. G. Geen, E. Donnerstein. N. Y., 1983. P. 1–40.
- Baron R. A., Richardson D. R. Human aggression. N. Y., 1994.
- Jucker A. H., Ziv Y. Discourse markers: Introduction // Discourse Markers: Descriptions and Theory. Amsterdam ; Philadelphia, 1998. P. 1–12.
- Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, 1988.
- Knoke J. Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language // Analysis. 2003. № 63. P. 190–193.
- Searle J. Indirect speech acts // Syntax and Semantics / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. N. Y., 1975. Vol. 3 : Speech acts. P. 59–82.

Fraser B. An account of discourse markers // *International Review of Pragmatics*. 2009. №1. P. 293–320.

Wittgenstein L. *Philosophical Investigations* / transl. by G.E.M. Anscombe. Oxford, 1953.

Об авторе

Екатерина Васильевна Захаркив, аспирант, младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Россия.

E-mail: zakharkiv@iling-ran.ru

Для цитирования:

Захаркив Е. В. Неконвенциональное функционирование дискурсивных слов как маркеров автореференциальной агрессии в современной поэзии // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2020. Т. 11, №4. С. 15–27. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-2.

VERBAL AGGRESSION IN MODERN POETRY: CONVENTIONAL AND UNCONVENTIONAL FUNCTIONING OF DISCOURSE MARKERS

E. V. Zakharkiv¹

¹ Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences
125009, Russia, Moscow, Bolshoy Kislovsky lane, 1, building 1

Submitted on April 23, 2020

doi: 10.5922/ 2225-5346-2020-4-2

The article examines the specifics of speech aggression in poetic communication. Special attention is paid to the unconventional functioning of discourse markers of aggression. The aim of the study is to analyse aggressive verbal behaviour in poetic communication and identify distinctive characteristics of expressing aggression in everyday discourse. The research methodology includes methods of linguopragmatic, linguopoetic and discourse analyses. The author studies discourse markers of verbal aggression in poetic speech acts, where aggression can be expressed explicitly and implicitly. The study reveals specific strategies of expressing verbal aggression in poetic communication, which can include the self-referential criticism (through verbal aggression directed at the language of the poetic utterance, the actor of utterance, the poetic utterance as such and also the perceptual mechanism). The author studies the formation of aggressive message in poetic discourse and its subjectification.

Keywords: poetic discourse, everyday discourse, poetic communication, speech aggression, discourse markers, self-reference, unconventional functioning

References

Agamben, G., 2012. *Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo Sacer. What remains after Auschwitz: archive and witness]. Moscow (in Russ.).

Azarova, N.M., 2012. The criterion "addressee" in establishing the boundaries of poetic discourse. In: N.D. Arutyunova, ed. *Logicheskiĭ analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing discourse]. Moscow. pp. 225–233 (in Russ.).

Apresyan, V.Yu., 2003. Implicit aggression in language. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies, *Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2003)* [Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2003)]. Moscow. pp. 32–35 (in Russ.).

Arutyunova, N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Human language and world]. Moscow (in Russ.).

Baranov, A.N., Plungyan, V.A. and Rakhilina, E.V., 1993. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow (in Russ.).

Barthes, R., 2015. *Fragmenty lyubovnoi rechi* [Fragments of love speech]. Translated by V. Lapitsky. Moscow (in Russ.).

Bass, A., 1967. Psychology of the aggression. *Voprosy Psichologii*, 3, pp. 60–67 (in Russ.).

Vepreva, I.T., 2005. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language reflection in the post-Soviet era]. Moscow (in Russ.).

Kibrik, A.A. and Podlesskaya, V.I., 2007. Speaker self-corrections and other types of speech failures as an object of annotation in the corpus of oral speech. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and technical information. Vol. 2: Information processes and systems], 2, pp. 2–23 (in Russ.).

Krongauz, M.A., 2009. *Yazyk i kommunikatsiya: novye tendentsii* [Language and communication: new trends]. Available at: <https://polit.ru/article/2009/03/19/communication/> [Accessed 15 April 2020] (in Russ.).

Levitov, N.D., 2002. The psychological state of aggression. *Voprosy Psichologii*, 6, pp. 168–173 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 2000. Auto-communication: “I” and “The Other” as Addressees (On two models of communication in the cultural system). In: Yu.M. Lotman, ed. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg (in Russ.).

Lotvinova, O.V., 2008. The Internet as a new “oral-written” communication system. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 71, pp. 58–65 (in Russ.).

Nikolaeva, T.M., 1990. On the principle of non-cooperation and / or categories of sociolinguistic impact. In: N.D. Arutyunova, ed. *Logicheskii analiz yazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language. Inconsistency and anomalous text]. Moscow (in Russ.).

Nikulina, E.G., 2012. Affective speech acts in the system of emotional-evaluative interaction. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie* [Herald of Vyatka State University], 1, pp. 54–58 (in Russ.).

Ostin, J., 1986. How to do things with words. In: B.Yu. Gorodetsky, ed. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Vol. 17: Theory of speech acts]. Moscow. pp. 22–129 (in Russ.).

Paducheva, E., 2010. *Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative* [Semantic Research: Semantics of Time and View in Russian. Narrative semantics]. Moscow (in Russ.).

Kibrik, A.A. and Podlesskaya, V.I., eds., 2009. *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Dream stories. Corpus research of oral Russian discourse]. Moscow (in Russ.).

Sokolova, O.V., 2019. *Ot avangarda k neoavangardu. Yazyk, sub"ektivnost', kul'turnye perenosy* [From avant-garde to neo-avant-garde. Language, subjectivity, cultural transfers]. Moscow (in Russ.).

Sternin, I.A., 2004. *Obshchestvennye protsessy i razvitie sovremennogo russkogo yazyka. Ocherk izmenenii v russkom yazyke kontsa KhKh veka* [Social processes and the development of the modern Russian language. Outline of changes in the Russian language at the end of the twentieth century]. Voronezh (in Russ.).

Sharonov, I. A., 2008. *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare* [Interjection in speech, text and dictionary]. Moscow (in Russ.).

Sharonov, I. A., 2016. Communicative and discursive markers. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies, *Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2016)* [Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2016)]. Moscow. pp. 605–615 (in Russ.).

Shakhovskii, V. I., 1987. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Voronezh (in Russ.).

Sherstyanykh, I. V., 2016. Discursive markers as mean of organization of speech genres. *Zhanry rechi* [Genres of speech], 1, pp. 42–49 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu. V., 2006. *Verbal'naya agressiya* [Verbal aggression]. Moscow (in Russ.).

Yakobson, R. O., 1975. Linguistics and Poetics. In: E. Ya. Basin and M. Ya. Polyakov, eds. *Strukturalizm «za» i «protiv»* [Structuralism "for" and "against"]. Translated by I. A. Melchuk. Moscow. pp. 193–230 (in Russ.).

Adams, F. and Steadman, A., 2004. Intentional Action in Ordinary Language: Core Concept or Pragmatic Understanding? *Analysis*, 64, pp. 173–181.

Bandura, A., 1983. Psychological mechanisms of aggression. In: R. G. Geen and E. Donnerstein, eds. *Aggression: Theoretical and empirical reviews*. New York. pp. 1–40.

Baron, R. A. and Richardson, D. R., 1994. *Perspectives in social psychology. Human aggression*. New York.

Jucker, A. and Ziv, Y., 1998. Discourse markers: Introduction. In: A. H. Jucker and Y. Ziv, eds. *Discourse Markers: Descriptions and Theory*. Amsterdam. pp. 1–12.

Schiffrin, D., 1988. *Discourse Markers*. Cambridge.

Knobe, J., 2003. Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language. *Analysis*, 63, pp. 190–193.

Searle, J., 1975. Indirect speech acts. In: P. Cole and J. L. Morgan, eds. *Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts*. London. pp. 59–82.

Fraser, B., 2009. An account of discourse markers. *International Review of Pragmatics*, 1, pp. 293–320.

Wittgenstein, L., 1953. *Philosophical Investigations*. Translated by G. E. M. Anscombe. Oxford.

The author

Ekaterina V. Zakharkiv, Postgraduate student, Junior researcher, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Theory of Language), Stepanov Scientific and Educational Centre for Theory and Practice of Communication, Russia.

E-mail: zakharkiv@iling-ran.ru

To cite this article:

Zakharkiv, E. V. 2020, Verbal aggression in modern poetry: conventional and unconventional functioning of discourse markers, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 15–27. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-2.